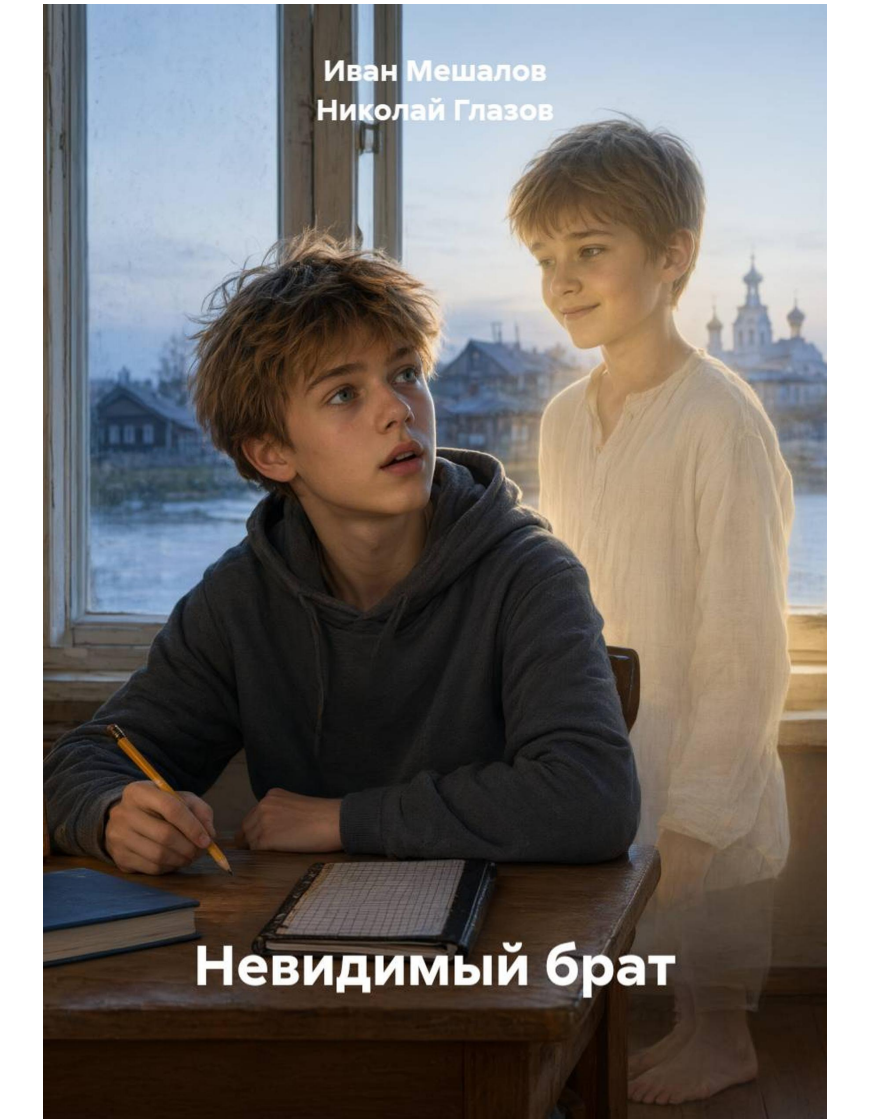

A movie poster for the film 'The Invisible Brother'. It features two young boys in a room with a large window. One boy is sitting at a desk, looking out the window, while the other stands behind him, looking at him. The scene is lit with warm, golden light from the window. The background outside the window shows a snowy landscape with houses and a church with onion domes.

Иван Мешалов
Николай Глазов

Невидимый брат

Иван Мешалов Николай Глазов Невидимый брат

<https://litres.ru/74492222>

SelfPub; 2026

Аннотация

Матвею четырнадцать, он живёт с мамой в Архангельске и больше всего мечтает о брате. Однажды его мечта сбывается неожиданно: к нему приходит святой отрок Артемий Веркольский — мальчик, живший в XVI веке, погибший от молнии и прославленный Богом. Артём становится Матвею небесным братом: помогает с математикой, поддерживает в ссорах с друзьями, учит прощать и признавать ошибки.

Но главное чудо — не в подсказках на контрольной, а в том, что рядом всегда есть тот, кто любит тебя просто за то, что ты есть. Светлая и трогательная повесть о дружбе, взрослении и вере для читателей от 6 лет и старше.

Содержание

Невидимый брат	4
Глава первая. Начало	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Глазов, Иван Мешалов Невидимый брат

*Посвящается моим родным братьям — Матвею Антоновичу Куренкову и Ивану Дмитриевичу Мешалову. Ради них написана эта книга.
От Глазова Николая Александровича*

Невидимый брат

Повесть.

Автор: Глазов Николай Александрович, Матвей Антонович Куренков и Иван Дмитриевич Мешалов

Жанр : Православная проза

Аннотация

«Невидимый брат» — светлая и трогательная повесть о мальчишке Матвее, который живёт с мамой в Архангельске и больше всего на свете мечтает о брате. Однажды его мечта сбывается неожиданно: к нему приходит святой отрок Артемий Веркольский — мальчик, живший в XVI веке, погибший от молнии и прославленный Богом. Артём становится

ся Матвею небесным братом: помогает с математикой, поддерживает в ссорах с друзьями, учит прощать и признавать ошибки. Но главное чудо — не в подсказках на контрольной, а в том, что рядом всегда есть тот, кто любит тебя просто за то, что ты есть.

Глава первая. Начало

Архангельск, 2015 год

Северное лето — странное время. Оно не спешит, не расточает жара, не обещает долгих жарких вечеров, но в нём есть своя тихая, глубокая благодать. Белые ночи, словно случайно задержавшийся в городе свет, разливались над Двиной, над деревянными домами, над новостройками, над куполами немногочисленных храмов. Воздух пах рекой, смолой, близким морем и чуть-чуть — дождём, который так и не собрался, но где-то далеко, за горизонтом, всё же дышал в холодную воду.

В таком городе легко мечтать. И трудно признаваться себе, что мечта твоя слишком велика для маленькой двухкомнатной квартиры, для школьного портфеля, для четырнадцати лет.

Матфею только что исполнилось четырнадцать. Он был мальчишкой резвым, быстрым, с вечно сбитыми коленками, с упрямой чёлкой, которую никак не удавалось уложить, и с глазами, в которых северное небо отражалось серо-голубым, как вода в Пинеге перед рассветом. Он жил с мамой, Ека-

териной Евгеньевной, в Архангельске. Отца у него не было. Вернее, он был когда-то, но остался в прошлом, в коротких телефонных звонках, в старых фотографиях, которые мама не прятала, но и не доставала. Матвей давно перестал спрашивать о нём. Он понял: некоторые вопросы в их доме звучат как сквозняк — вроде и не страшно, но всё равно холодно.

А вот о брате он спрашивал часто. Слишком часто, как казалось маме.

— Мам, ну почему у меня нет брата? — спрашивал он ещё маленьким, когда во дворе другие мальчишки дрались, мирились, делили велосипед и секреты. — Я бы с ним всегда был вместе. Мы бы даже в школу вместе ходили.

Мама тогда улыбалась, гладила его по голове и отвечала уклончиво:

— Сынок, ну какой брат? Рано ещё. К тому же и отца у нас нет. Не надо.

Это «не надо» Матвей слышал много раз. Оно было мягким, но твёрдым, как корка на хлебе, которую не размягчить словами. Мама не запрещала мечтать. Она просто просила не просить. И Матвей перестал просить вслух. Но внутри

него мечта не умерла. Она стала тише, глубже, как река подо льдом. Он всё равно ждал. Сам не зная кого.

Сегодняшнее утро было чудесным.

Матвей проснулся раньше будильника. В комнате стояла та особенная тишина, когда весь дом ещё спит, а солнце уже нашло щель в занавеске и протянуло по полу золотую нитку. Мальчик лежал, боясь шевельнуться, потому что сон, из которого он только что вынырнул, ещё держал его. Ему снился лес. Не тот лес, что за городом, где они с Васей иногда жгли костёр и кидали шишки, а другой — древний, высокий, с соснами, уходящими в небо, как свечи. Между деревьями шла река. Вода в ней была светлая, но не прозрачная, а будто молочная. На берегу стоял мальчик. На вид ему было лет двенадцать. Он был босой, в простой белой рубаше, и лицо его светилось так, что Матвею хотелось зажмуриться. Мальчик улыбнулся и сказал:

— Ты меня звал?

Матвей во сне хотел ответить, но голос пропал. А мальчик подошёл ближе и коснулся его плеча. Прикосновение было тёплым, как мамина ладонь.

— Я не могу быть у всех, — сказал он. — Но если ты очень

хочешь, я могу быть с тобой.

Матвей проснулся. Сердце стучало часто-часто. За окном кричали чайки, а в комнате пахло пылью и утренним солнцем. Он сел на кровати и долго смотрел на икону Спасителя в святом углу. Там, среди небольших образов, была и икона святого отрока Артемия Веркольского. Маленький святой смотрел на него с деревянной доски строго и ласково. Матвей знал его историю — или, вернее, то, что рассказывала мама и что он сам вычитал в тонкой книжке. Артемий жил давно, очень давно, был мальчиком, погиб от молнии, а потом Господь прославил его. Но для Матвея он был не далёким святым из учебника, а почти ровесником. Мальчиком. Братом, которого не было.

Матвей встал, подошёл к столу. На столе стоял компьютер, лежал дневник — обычная тетрадка в клетку, с потёртой обложкой. Он открыл её и, чуть высунув язык от старания, вывел первую запись:

«15 августа. А вдруг моя мечта осуществится? Я встречу своего нерождённого брата? А может быть, это будет святой отрок Артемий Веркольский? Было бы замечательно, если бы он мог стать моим братом».

Он посмотрел на буквы. Они казались слишком простыми

для того, что он чувствовал. Тогда он добавил ниже:

«Я не сумасшедший. Я просто хочу, чтобы кто-то был рядом. Не только мама. Мама — это мама. А брат — это брат. С ним можно молчать и не бояться, что тебе станет скучно. С ним можно смеяться над тем, над чем другие не смеются. С ним можно даже молиться. Наверное, это не грех — хотеть брата?»

Он закрыл дневник и поднял глаза на иконостас. В углу горела лампадка — мама всегда зажигала её перед уходом на работу, но сегодня она ещё не ушла. Огонёк дрожал, как маленькое сердце. Матвей перекрестился и прошептал:

— Господи, я бы так хотел, чтобы святой отрок Артемий, Артёмушка, стал моим родным братом. И мы бы весело проводили время. Если бы я его хотя бы видел, хотя бы иногда, мы бы с ним беседовали, разговаривали. Да было бы чудесно, если бы это было возможно, папа.

Он сам не понял, почему сказал «папа». Может, потому что в молитве иногда слова идут не по порядку, а по сердцу. Может, потому что ему не хватало не только брата, но и отца. Он вздохнул и потихоньку пошёл в ванную.

Вода была холодной, как всегда в северных домах, где го-

рячая идёт долго, а холодная — сразу. Матвей умылся, фыркая и растирая лицо ладонями. Зеркало показало ему взлохмаченного мальчишку с красными от сна глазами. Он улыбнулся своему отражению и показал язык. Потом вышел в коридор.

И тут он услышал знакомый голос:

— Сыночек, иди кушать!

Голос мамы был тёплый, как печка в зимний вечер. Матвей пошёл на кухню. Там уже светило солнце, и за окнами стояла та благодать и тишь, которая бывает только в августе, когда лето ещё не ушло, но уже начинает прощаться. На столе были накрыты мамины вкусности: запеканка с творогом, блинчики с вареньем, яишенка с помидорами, свежий хлеб, масло, сыр. У Матвея аж слюнки потекли от такого величия. Он сел и потянулся к блинчику, но мама шутливо хлопнула его по руке:

— Сначала помолимся, Моть.

Он кивнул, перекрестился, прочитал «Отче наш» — быстро, но не без души. Потом они стали есть. Мама пила чай, поглядывая в окно. Матвей уплетал запеканку. На кухне было спокойно. Так спокойно, что казалось, ничего плохого в

мире случиться не может.

Когда Матвей допивал свой утренний какао, мама сказала:

— Слушай, Матвейка, у меня есть такое интересное предложение. Я бы сегодня хотела съездить в Архангельский монастырь. Как раз уже пол лета прошло, скоро учебное время, а мы даже в монастыре не были. Как ты думаешь, сынок?

Матвей поставил кружку.

— Я не знаю, мам. А там есть что-то интересное?

— Ну а что тебе интересно-то, сынок? Там разное интересное есть. И красивые купола, и монастыри...

— Мам, я не люблю историю, ты же знаешь. Ненавижу историю в школе. Ещё и в монастыре смотреть. А мистическое что-нибудь есть? Я бы очень хотел увидеть каких-нибудь там монстров или какие-нибудь там явления святых. Может, мощи есть? Что-то такое.

Мама вздохнула. Она посмотрела на него так, как смотрят на ребёнка, который просит луну с неба, но при этом не хочет надевать шапку.

— Ну что ты как ребёнок, Моть! Какие монстры? Какие святые? Какие явления? Откуда это всё там? Моть, ну это в фильмах бывает, но не в реальности, — сразу отрезала она.

— Ну кто знает, может, и может быть, — упрямо сказал Матвей.

Мама хотела что-то возразить, но только махнула рукой. И в этот момент, будто кто-то наверху решил их помирить, солнце засветило ярче. Оно осветило все комнаты, преломилось в окнах, и вся кухня залилась этим солнечным золотёным цветом. Даже чай в маминой чашке стал похож на мёд. Мама улыбнулась:

— Ладно, сынок, давай через час выезжаем, поэтому собирайся.

Матвей обрадовался. Он и сам не ожидал, что так обрадуется. Может, потому что в нём всё ещё жил утренний сон. Может, потому что слово «монастырь» теперь звучало не как скучный урок, а как тайна. Он быстренько пошёл в свою комнату и стал собирать всё необходимое: телефончик, чтобы не было скучно, любимую книжку про святого, ещё пару вещей. Он складывал их в рюкзак, напевая что-то под нос. В комнате было тепло, лампадка горела, икона святого Арте-

мья смотрела на него с тихой лаской.

И тут телефон засветился. Уведомление. Василий писал — это его школьный друг, который был на год младше Матвея. Василий был из тех мальчишек, которые всегда что-то придумывают: то заброшенный дом, то гонки на великах, то рыбалку на закате. Он писал:

«Слушай, Моть, сегодня такая погода хорошая, давай на мотоциклах погоняем!»

Матвей замер. Он представил, как они несутся по улицам, как ветер бьёт в лицо, как ревёт мотор, как всё вокруг становится быстрым и весёлым. Это желание так перевесило, что он тут же выскочил на кухню:

— Мам, честно, не хочу я ехать никуда в монастырь. Я хочу с Васей покататься на мотиках. Разреши мне!

Мама даже удивилась. Она держала в руках полотенце и смотрела на него, не понимая.

— Сынок, ты ж хотел...

— Ну мам, ну пожалуйста!

Мама долго ломалась. Она хотела сказать грубое «нет», потому что сердце у неё сжалось от одного слова «мотоцикл». Она знала, что Василий — мальчик хороший, но у него в голове ветер, а у Матфея — азарт. Но она также знала, что если запретит слишком резко, он всё равно найдёт способ, только обидится и замолчит. Она не хотела потерять его доверие. Может, от своей слабости женской, может, от усталости, но она сказала:

— Ладно, горе ты моё луковое. Езжай со своим Василием, только аккуратней будь. Ты же знаешь, я за тебя переживаю.

— Ладно! — крикнул Матвей и умчался собираться.

Мама постояла ещё немного на кухне. Солнце всё так же светило, но теперь в этом свете ей почудилась тревога. Она перекрестилась, сама не зная зачем, и стала собираться одна.

Когда Матвей с Василием убежали, она решила поехать в монастырь сама. Усевшись в свою машину, уныло завела её. Мотор чихнул, потом заурчал ровно. Дорога заняла не очень много вёрст. За окном тянулись леса, поля, редкие деревни. Северная природа не баловала яркими красками, но в ней была сила. Сосны стояли стеной, как древние стражи. Небо было высоким и бледным. Иногда мелькали озёра, похожие на осколки зеркала.

Екатерина Евгеньевна думала о сыне. Она вспоминала, как он маленьким сидел у окна и ждал, когда придёт отец. Как потом перестал ждать. Как однажды сказал: «Мам, а у меня будет брат?» Она тогда ответила что-то неловкое. Теперь ей было стыдно. Может, надо было не отмахиваться, а сказать правду: «Я не знаю, сынок. Но если Бог даст, будет». Правда всегда лучше, чем «не надо». Но кто из родителей всегда говорит правду?

Подъехав уже к реке, она взяла свой кнопочный телефон и набрала номер экскурсовода, отца Рафаила. Батюшка взял быстро.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, отче. Мы хотели бы в монастырь, переправите нас?

— Бог вас да благословит, — завершил свою речь батюшка.

Екатерина вышла из машины. У берега уже покачивался плот. На нём стоял монах, немолодой, с усталым, но светлым лицом. Он протянул ей руку. Она взялась, шагнула на плот, и он потихоньку по реке Пинеге направился в сторону мона-

стыря.

Река была широкой и спокойной. Вода шла медленно, как будто несла на себе чью-то древнюю тайну. Екатерина взидала на всё величие и просторы и не могла налюбоваться чудесами природы северных земель. Зелёные деревья будто древние стражи охраняли лесную тайну и лесную быль. Птички будто передавали небесные послания, так красиво пели, что казалось, красивее и прекраснее может быть только ангельский хор. Где-то вдалеке блеснул купол. Потом ещё один. И вот уже показалась обитель.

Монастырь стоял на берегу, окружённый лесом. Его восстановленное величие, купола золочёные с крестом, несколько зданий монастырских храмов вызывали у Екатерины только неожиданный восторг и умиротворение. Она вошла в обитель, и ей показалось, что воздух здесь другой — тише, чище, будто сама молитва пропитала эти стены.

Первое, куда она пошла, склонив голову, была часовня святого отрока Артемия.

По мере приближения к часовне она увидела современного мальчика. На нём были современные худи, небольшие шортики. Но самое прекрасное в этом мальчике было то, что его лицо было точной копией Артемия Веркольского. Он

улыбнулся и подошёл к Екатерине.

— Не надо, матушка, сейчас идти сюда. За сыном иди, да скорее. Переживаю уж за него очень. Он сегодня хотел моим родным братом стать, а сейчас вон с Васей катается. Не дай Бог, да что случится, а я переживать буду.

Екатерина Евгеньевна расширила глаза и посмотрела на мальчонку.

— А тебя зовут-то как?

— Меня? Меня Тёма зовут. Это мой дом, я здесь часто живу. Но меня иногда папа разрешает и на улицу погулять. А сегодня со мной мой теперешний новый братик разговаривал. Он очень хороший. Я за него переживаю. Возвращайся, матушка, ну пожалуйста.

Екатерина хотела ответить, но мальчик уже смотрел на неё с такой мольбой, что она невольно обернулась. Она сделала шаг, чтобы уйти, но тут же снова повернула взгляд к часовой. Мальчика нигде не было. Будто он исчез. Растворился в воздухе, как утренний туман.

Она перекрестилась и прошептала:

— Странно, кто это был?

Тут шёл монах, брат, который какие-то дела делал. Он нёс доски. Екатерина подошла к нему.

— Слушай, брат, тут не знаешь, мальчика такого не было? Тёмой зовут, на вид лет двенадцать.

Монах остановился и удивлённо посмотрел на неё.

— Мальчика? Артём? Нет. У нас давно никаких детей в монастыре не было. Последний раз, я помню, у нас когда воскресная школа приезжала, но это было несколько дней тому назад. А сейчас никаких детей в монастыре не было. Вам, может, показалось, матушка?

— Может быть, — смутно сказала Екатерина. — Может быть.

Она перекрестилась и потихоньку направилась к выходу. Пока она шла, батюшка Рафаил заметил:

— Вы уже уходите?

— Да, отче.

— Сейчас переправим.

И потихоньку переправилась на плоту. Монах лишь помахал ей вслед. Екатерина быстренько направилась в сторону дома. Но слова мальчика не выходили у неё из головы. «За сыном иди, да скорее». Она ехала и молилась. Дорога казалась длиннее, чем прежде.

И вдруг, уже near города, она увидела, как Василий и её сын гоняли на мотоциклах. Они неслись по дороге, и ветер трепал их куртки. И тут она снова увидела, как сзади сидит в шлеме тот же мальчик, которого она видела в монастыре. Он сидел за спиной Матфея, обхватив его руками. Она опять потеряла одной рукой глаза, думая, что ей мерещится. Но мальчик не исчезал. Он смотрел прямо на неё. И в этот миг она увидела красный свет светофора. Василий сильно затормозил, и колесо лопнуло. Раздался хлопок, будто выстрел. Мотоцикл вильнул. Василий отлетел, да так, что прямо перед светофором приземлился. Вся его одежда была порвана, где-то стекала кровь. Хотя многие в защитной одежде спасли его. А её сын был невредим. Он стоял возле мотоцикла, бледный, с расширенными глазами, и не понимал, что произошло.

И она теперь понимала, о чём говорил отрок Артемий. Всё понимала.

Она остановила машину, выбежала. Сын обернулся в ужасе и страхе.

— Мам, ты что здесь делаешь? Ты ж в монастыре была!

— А я вот возвращаюсь, — сказала она, чувствуя, как дрожат руки. — А я там видела с тобой мальчика сзади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.